

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**

1. *Ефремов В. С.* Основы суицидологии. СПб.: Диалект, 2004.
2. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд: Пер. с фр. с сокр. / Под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994.
3. *Аганитова С. Ю.* Ежегодный доклад за 2011 год. — [www.assembly.spb.ru/files/](http://www.assembly.spb.ru/files/)
4. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на первом заседании Патриаршей комиссии по вопросам семьи и защиты материнства. — <http://www.patriarchia.ru/db/text/2143731.html>
5. Резолюция совместного заседания круглого стола Постоянной комиссии по социальной политике и здравоохранению Законодательного собрания Санкт-Петербурга, Общественного совета при Главном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и благотворительного фонда «Защита детства» по теме: «Профилактика самоубийств и других кризисов несовершеннолетних — важная самостоятельная государственная программа обеспечения безопасности благополучия детей и будущего города и страны». 22 мая 2012 г. Санкт-Петербург. — <http://www.sledcomspb.ru/zasedaniya-soveta>
6. Вестник Уполномоченного при Президенте Российской Федерации. — [http://www.rfdeti.ru/files/1307261307\\_vestnik\\_2011.pdf](http://www.rfdeti.ru/files/1307261307_vestnik_2011.pdf)
7. *Гроллман Э.* Суицид: социальный контекст // Суицид: превенция, интервенция, поственция. М.: Когито-Центр, 2001. — [http://krotov.info/libr\\_min/g/gorgey/groll](http://krotov.info/libr_min/g/gorgey/groll)
8. *Соломин В. П.* Педагогическое образование и наука: пути развития // Вестник Герценовского университета. СПб. 2011. № 11 (97).
9. *Соломин В. П., Гдалин Д. А., Калугина А. М.* Сетевое взаимодействие вузов как фактор повышения качества полевых и научно-исследовательских практик // Вестник Герценовского университета. СПб. 2010. № 7(81).
10. *Сморгунова В. Ю.* Патриотическое правосознание как предмет компаративного анализа // Философия права. 2008. № 1 (25).
11. *Сморгунова В. Ю.* Пути преодоления этнического негативизма в современной России и развитие правового принципа мультикультурализма // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6.
12. Обращение о работе Общественного совета при ГСУ СК России по городу Санкт-Петербургу Председателя Общественного совета, ректора РГПУ им. А. И. Герцена В. П. Соломина. — <http://www.sledcomspb.ru/obcshestvennyj-sovet/>

*А. Н. Алехин, Е. Е. Малкова*

**САМОРАЗРУШАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ КАК ФЕНОМЕН И НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА**

Культурно-историческая концепция психического развития Л. С. Выготского по праву считается высшим достижением отечественной психологии и признана мировым психологическим сообществом. Согласно этой концепции суть психического развития ребенка состоит в процессе интериоризации социально-культурного опыта деятельности, накопленного в процессе исторического развития общества. Эта концепция послужила надежным методологическим основанием для эмпирических исследований психического развития человека, его этапов, содержания закономерностей процесса формирования его личности. С точки зрения этой концепции научное психологическое знание процессов формирования и развития требует постоянного уточнения уже потому хотя бы, что трансформация социальных условий психического развития неизбежно отражается в его результатах. За последние десятилетия в России, по крайней мере, изменение социокуль-

турной ситуации развития личности приобрело тотальный характер. Не говоря уже о безудержной экспансии мультимедийных средств формирования виртуальной реальности игры, общения и деятельности, новых средств обучения и развлечения, стоит особо подчеркнуть изменения характера социальных отношений, способов жизни в новых экономических и политических реалиях.

Современная социальная среда с весьма размытыми ценностными ориентирами, эластичными границами нормативности и плюрализмом допустимых форм поведения определяет принципиально новые условия социализации человека, в том числе и принципиально новые условия для формирования идентичности современных подростков. Не случайно, например, столь проблематично в настоящее время оправданное применение термина «девиация поведения», отражающего социальную ненормативность, столь сложны для квалификации и содержательного анализа бесконечные формы зависимостей (компьютерные, пищевые, любовные, сексуальные, трудоголизм и т. д.), описываемые в психологической литературе. Традиционные феноменологические подходы к классификации и описанию нарушений психосоциального развития в данном случае оказываются несостоятельными, а попытки каталогизации признаков расстройства приводят лишь ко все большему размыванию границ между «нормой» и «аномалией». Очевидно, что феноменологический метод, лежащий в основе современных социологических, психологических, медицинских исследований, обнаруживает неадекватность содержанию проблем, с которыми сталкивается общество в условиях новых социальных реалий, нового информационного пространства ценностного плюрализма.

По сути, в настоящее время изменения ценностей и ориентиров в индивидуальной реальности каждого конкретного человека, продиктованные социальными трансформациями, сказываются на изменении отношений по всему спектру личностных систем — от межполовых и брачных отношений до духовных сфер отношения к феноменам смерти, жизненных смыслов.

Изменения психической организации человека отражаются в трансформации содержания внутриличностных конфликтов. Так, «за последние 30 лет пациентами, демонстрировавшими наиболее высокую осознанность своих внутренних проблем и трудностей, оказались больные с невротическими расстройствами 1980-х годов. Наиболее актуальными для них были... трудности, которые современные больные с невротическими расстройствами не воспринимали в качестве таковых. В то же время конфликты, которые пациенты в 2009 году определили у себя в качестве наиболее значимых... больные с невротическими расстройствами 1980-х годов рассматривали как несущественные» [1. С. 207]. По данным клинических наблюдений, у людей молодого возраста, личность которых формировалась в эпоху высокой гетерогенности социальных структур и социальной толерантности, эмоциональные расстройства проявляются менее четко, имеют полиморфный характер. В то же время для лиц старшей возрастной группы, становление личности которых происходило в условиях строго определенных ценностных ориентиров, единообразия поведенческих шаблонов и жесткости социальных норм, характерны выраженные срывы адаптации с отчетливой клинической картиной [2]. Аналогичные проявления социокультурных изменений описаны и в отношении других форм психических расстройств. При этом подчеркивается, что с социокультурных позиций совершенно неслучайным является существенное возрастание доли атипичных, стертых форм психической патологии, не соответствующих классическим описаниям и стандартным критериям.

Безусловно, эти тенденции затрагивают не только сферы психопатологии. Философы и социологи прямо говорят о том, что мы являемся свидетелями появления «другого че-

ловека», иначе чувствующего, думающего, действующего: «...человек тронулся — и с ним сдвинулись, поехали все уровни, этажи и крыши...» [3. С. 174], «антропологический сдвиг» [4. С. 131] захватывает все — и соматическую и психическую сферу.

Уже есть свидетельства о глубинных трансформациях психического развития, в частности, показано принципиальное отличие психической организации современных подростков. Обобщая результаты сравнительного исследования, ведущие специалисты в области возрастной психологии А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых пишут: «Подводя итоги исследования и сравнивая его результаты с полученными ранее, отметим тенденцию последовательного снижения рефлексивности (эмоциональной отзывчивости) у российских подростков. Если школьники конца 50-х обладают достаточно высоким уровнем рефлексии, то у подростков 80-х она оказывается слабо выраженной, а у современных подростков практически не выявляется» [5]. В ряде работ отмечены отчетливые сдвиги в ценностных ориентациях современных подростков по сравнению с их сверстниками 1980-х годов.

На фоне все более заметного отличия современных детей как никогда актуальными становятся вопросы психологического обоснования инноваций в обучении и образовании. Все чаще перед специалистами возникают проблемы экспертной квалификации различных форм поведения детей и подростков, вовлеченных в несвойственную для их возраста деятельность, психологического анализа подростковой агрессии, суицидальной активности, злоупотребления психотропными средствами, сексуального поведения и т. п.

Нынешняя ситуация определяется тем, что не только взрослые не понимают современных подростков, даже ближайшее к ним поколение нынешних студентов (которое старше всего-то на 5 лет) представляет себя живущим в разных с подростком мирах.

Вместе с тем по внутреннему содержанию процесса формирования и развития личности значимость подросткового периода невозможно переоценить. Именно подростковый возраст чрезвычайно важен для будущего общества, поскольку это — определяющий этап формирования характера, становления мировоззренческих основ будущей личности.

С точки зрения культурно-исторической концепции развития отечественная психологическая наука оказалась не готовой к обоснованным действиям по профилактике лавинообразно нарастающих различного рода поведенческих отклонений в подростковой среде. Положение осложняется тем, что и зарубежный опыт оказывается не адекватным отечественным реалиям.

В аспекте клинической психологии саморазрушающим является такое поведение человека, которое препятствует адекватному взаимодействию человека со средой жизнедеятельности (пьянство, злоупотребление психоактивными веществами, суицид) и приводит в перспективе к деформации сформированных в онтогенезе психических образований или прекращению жизни вообще. Суицид (самоубийство) в этом спектре поведенческих нарушений выступает как предельная форма саморазрушения.

При всем разнообразии мотивов, движущих человеком, саморазрушающее поведение свидетельствует о крайней форме проявления психической дезадаптации.

Только по данным официальной статистики ежегодно в России совершается более 30 тыс. самоубийств. Это в 3 раза больше, чем число погибших советских воинов за 10 лет афганской войны. Около 39 человек на 100 тыс. населения пытаются покончить жизнь самоубийством в год, при том что ВОЗ считает критической демографическую ситуацию в стране, где фиксируется 20 попыток на 100 тыс. населения в год. За по-

следнее десятилетие число самоубийств среди молодежи выросло в 3 раза. Ежегодно каждый двенадцатый подросток в возрасте 15—19 лет пытается совершить попытку самоубийства. В России показатель суицида среди молодежи на 100 тыс. составляет 20, что превышает средний мировой показатель в 2,7 раза. По последним данным ВОЗ в 2009 году Россия вышла на первое место в мире по количеству подростковых самоубийств и удерживает его. Только с начала этого года покончили с собой 13 подростков. Следует принять во внимание и тот факт, что в официальную статистику попадают только явные случаи самоубийств, тогда как число реальных самоубийств может существенно превышать данные официальной статистики. Например, по заключениям судебных экспертиз, причиной большинства так называемых «смертей от несчастного случая» (передозировка лекарственных препаратов, аварии на дорогах, падение с высоты и т. д.) в действительности были суициды.

В 1982 году ВОЗ рекомендовала использовать термины «суицидальная попытка» и «парасуицид» как тождественные по значению. По определению ВОЗ, парасуицид — это несмертельное намеренное самоповреждение или самоотравление, которое нацелено на реализацию желаемых субъектом изменений за счет физических последствий. В современном представлении цель парасуицида — изменение жизненной ситуации, а не смерть как таковая. В официальные статистические отчеты не включаются незавершенные попытки самоубийства, которых может быть в 4 раза больше, поскольку только один из четырех (24%), кто совершил попытку самоубийства и остался жив, попадает в дальнейшем в поле зрения системы здравоохранения, социальной и психологической помощи. Есть основания полагать, что частота парасуицидов в 10, а иногда в 100 раз выше, чем завершенных суицидов. Распространенность же суицидальных тенденций в поведении подростков проанализировать еще сложнее.

Вопросы профилактики суицидального и парасуицидального поведения в последнее десятилетие неоднократно обсуждались в ООН и в ВОЗ, во многих странах создаются и осуществляются национальные программы профилактики, то есть проблема носит наднациональный характер и приобретает мировой масштаб. То же касается распространенности пьянства и алкоголизма среди подростков, злоупотребления ими психоактивными веществами, увлеченности жизнеопасными формами деятельности, формирования специфических субкультур. Все это новые явления, которые еще только ждут своего понимания. Научного решения проблемы профилактики саморазрушающего поведения подростков нет. Сам по себе данный феномен представляет собой «terra incognita», он уникален уже потому, что психологические теории формирования личности, разработанные прежними поколениями ученых, оказываются несостоятельны при его объяснении в совершенно новой социокультурной ситуации сегодняшнего дня.

Субкультуры современных подростков, такие их объединения, где организующим началом становятся особенности мировоззрения или деятельности, весьма специфичны: если раньше их представителям, для того чтобы заявить о себе, достаточно было эпатажно выглядеть, то теперь молодежь «существует» в виртуальных мирах, создавая виртуальные сообщества, самовыражаясь и ища поддержки именно там.

Количество тематических форумов молодежи, интернет-сообществ, обсуждающих, например, тему самоубийства, постоянно растет. Существуют виртуальные группы, муссирующие темы смысла жизни и смерти.

Простой поисковый запрос позволяет найти более 300 групп такой направленности в популярных среди российской молодежи социальных сетях («В контакте», «Facebook» «Twitter» и др.), в Интернете же они исчисляются миллионами.

Вот наиболее популярные молодежные Internet-ресурсы, привлекающие внимание лиц, проявляющих особую заинтересованность в обсуждении проблем жизни и смерти:

- <http://www.suicide-forum.com/> — сайт позиционирует себя как «независимый суицид-форум», на котором обсуждаются вопросы смысла жизни, смерти и самоубийства. Участники форума делятся своим опытом, рассказывают свои истории, а также спрашивают совета, описывают свое душевное состояние. Возраст участников: 16—30 лет.
- <http://www.palata6.net/> — сайт, посвященный теме суицида, на котором можно найти огромное количество информации по данной тематике (статьи, психиатрические, правовые аспекты данного вопроса, список художественной литературы по данной тематике и пр.). Сайт направлен на профилактику суицидов, однако основная идея сайта в том, что «каждый сам делает свой выбор». Возраст участников: 16—30 лет.

Нельзя не обратить внимания на соответствующие ресурсы популярной социальной сети «В контакте», пропагандистские слоганы которых говорят сами за себя:

- <http://vkontakte.ru/club4435127> — «Суицид — пусть будет легко» (более 2000 участников);
- <http://vkontakte.ru/club6322778> — «Депрессия, грусть, меланхолия, суицид и безысходность — наши лучшие друзья» (более 1800 участников);
- <http://vkontakte.ru/club8025848> — «mySuicide: самоубийство, суицид, депрессия, смерть» (более 2200 участников);
- <http://vkontakte.ru/club9517445> — «Суицид... [live to die...]» (более 600 участников). И на совсем новые страницы, которые стремительно набирают «сочувствующих»:
- [http://vk.com/v\\_kontakte\\_moya\\_stranica#/public37473578](http://vk.com/v_kontakte_moya_stranica#/public37473578) — Суицид. Я живу реальностью и не думаю о будущем... Возможно меня в нем не будет (создана 4 апреля 2012 года — около 400 подписчиков);
- [http://vk.com/v\\_kontakte\\_moya\\_stranica#/club6005645](http://vk.com/v_kontakte_moya_stranica#/club6005645) — Сладкий суицид (создана в начале февраля 2012 года — более 300 участников);
- [http://vk.com/v\\_kontakte\\_moya\\_stranica#/club15893655](http://vk.com/v_kontakte_moya_stranica#/club15893655) — Суицид. Группа для тех, кто решил свести счеты с жизнью (создана 28 февраля 2012 года — более 200 участников);
- [http://vk.com/v\\_kontakte\\_moya\\_stranica#/club32523859](http://vk.com/v_kontakte_moya_stranica#/club32523859) — Суицид (создана 16 мая 2012 года — 90 участников).

Возраст участников 14—23 года.

Научных исследований, посвященных влиянию виртуальной коммуникации на формирование суицидальных мотивов, практически нет.

Предпринимаемые отдельными группами ученых попытки разобраться в ситуации не получают поддержки со стороны государства, научные исследования в гуманитарной сфере в нашей стране сегодня не поддерживаются. Хотя даже отдельные данные свидетельствуют об актуальности таких исследований, например:

- среди студентов Перми парасуицидальная активность была выявлена у 90% респондентов, нежелание жить — у 72% [6];
- в Белгороде в 2009 году около 90% исследуемых студентов высказало нежелание жить;
- по Санкт-Петербургу (2011 год) — примерно каждый второй (54,9%) подросток считает себя впечатлительным, ранимым, у 13% обнаруживается риск депрессии, а у 11% — суицида. На этом фоне лишь треть обследованных подростков никогда не задумывалась о бессмысленности жизни (36,8%), в то время как 51,4% опрошенных

время от времени посещают подобные мысли, а 2,1% подростков признались, что считают свою жизнь бессмысленной и постоянно думают об этом [7].

Остается только удивляться, почему эти данные не становятся поводом для решительных действий по исследованию проблем молодежи, формированию специальных исследовательских программ регионального и федерального значения, ведь общество теряет своих членов по причине алкоголизации/наркотизации, ухода в преступный, виртуальный или иной мир. Данные процессы следует адекватно рассматривать как системное явление, характерное для поколения современных подростков.

Так, по результатам инициативных исследований, проведенных среди подростков Санкт-Петербурга, у 68,5% из них наблюдаются нарушения социального поведения, у 14,6% — противоправное, у 11,1% — девиации сексуального поведения (ранние половые связи и промискуитет среди подростков до 14 лет), формирование зависимого поведения (алкоголизация, наркотизация, компьютерная зависимость соответственно у 11,1%, 4,2%, 6,3%), отставание в физическом развитии — у 19,4%. Основными факторами риска при этом выступают отношения со сверстниками (68,7%), чувство одиночества и отчужденности (от 13,2% до 50%), а также формирование нездоровой среды, не противодействующей и не осуждающей употребление слабоалкогольных напитков (50%), «легких» наркотиков (22,8%), вступление в ранние сексуальные отношения (51,4%).

Проблема саморазрушающего поведения прямо или косвенно коннотирует кризис идентичности в процессе социализации молодого человека. Проблема формирования идентичности субъекта в процессе социализации сравнительно недавно стала предметом концептуализации философов, социальных психологов, культурологов, историков, этнографов, клиницистов, и объем исследований, посвященных различным аспектам идентичности, на сегодняшний день практически необозрим. В современных определениях идентичности учитывается, что это «целостное динамическое образование, выступающее в качестве системы ключевых социальных конструктов личности. Она активно конструируется субъектом, оказавшимся в ситуации пересмотра своего места в социальной среде, в ходе взаимодействия, социального сравнения и является когнитивно-мотивационным основанием принятия индивидом новых социальных ценностей. Несмотря на различие подходов и исходных методологических допущений, большинство авторов, пишущих на тему идентичности, едины в том, что в формировании этой системы необходимым условием является значимый Другой. В индивидуальном онтогенезе этот значимый Другой может быть представлен конкретным человеком, однако с точки зрения теории социализации это — интегральный образ человека, конструируемый, воспроизводимый и транслируемый культурой. Наиболее подробно эти механизмы разработаны М. Фуко в его поздних работах [8], где он описывает феномены «проблематизации», «субъективации себя» и «практик себя». Проблематизации задаются культурой (Что есть «правильный» человек?), которые в индивидуальном сознании порождают процессы «субъективации себя» (Кто я?) и становятся мотивом «практик себя» (Быть таким).

Мы провели масштабные исследования мотивации поведения подростков — учащихся средних учебных заведений с различными формами социального поведения. Для этих исследований специально был разработан вариант тематического апперцепционного теста (Мюррей Дж.), хорошо известного в клинической психологии проективного метода исследования личности. Суть метода заключается в том, что испытуемому предлагается составить рассказ по сюжетам, изображенным на сериях картинок — фотографий. Рассказ по возможности должен включать представление о том, что предшествовало сюжету, кем являются представленные персонажи, что происходит с ними,

чем разрешится ситуация. Сюжеты отображают типовые ситуации взаимодействия и общения людей: старших и младших, мужчин и женщин, ситуаций досуга и деятельности. Суть модификации авторского метода состояла лишь в подборе современных образов для обеспечения возможности отождествлений и проекций подростками своих переживаний, обусловленных типовыми для них социальными ситуациями. Уже предварительный анализ полученных данных позволил выявить характерные феномены, которые свидетельствуют о «фрагментированной идентичности» как наиболее устойчивом феномене социализации современных подростков. Их рассказы отличаются бедностью содержания, которое к тому же строится на отдельных элементах сюжета и редко бывает целостным и завершенным. Не вдаваясь в подробности анализа других очевидных феноменов, отметим главное: в рассказах практически отсутствует Другой, его чувства, мысли, намерения, переживания. Особенно впечатляет то, что подростки легко отождествляют себя с персонажем противоположного пола, игнорируют особенности эмоционального контекста ситуации, но говорят всегда лишь о себе и своих впечатлениях. Обобщая результаты исследования, можно заключить, что испытуемые «не видят другого», он для них не существует.

Таким образом, проблема формирования идентичности в ее психологическом аспекте состоит в том, что современная социокультурная ситуация не предполагает наличия образа значимого Другого в структуре формирующегося мировоззрения. В результате отсутствия проблематизаций отпадает надобность в субъективации себя и в практиках себя (М. Фуко). Идентичность субъекта в этих условиях социализации представляется подвижной, фрагментированной системой, не обеспечивающей осознанного социального поведения, обусловленного ценностными установками личности. Такое поведение носит скорее «полевой» характер, где место значимого Другого легко замещается множеством незначимых других. Оно облегчает адаптацию человека, но лишь в биологическом аспекте жизни. Социологические данные об актуальных процессах в социальной среде подростков: катастрофический рост алкоголизации и наркотизации, суицидальная активность, агрессивность и рост правонарушений в подростковой среде, необычные формы сексуального поведения — убедительно свидетельствуют о трудностях социальной адаптации молодежи в условиях «размытого дискурса» о человеке.

Обращаясь к проблеме саморазрушающего поведения подростков в современной России, необходимо учитывать и то обстоятельство, что изложенное выше — черты современной культуры российского мегаполиса и особенности становления идентичности субъекта в условиях «ценностного хаоса». Молодежь и подростки, формирование личности которых осуществлялось в условиях относительно замкнутого этноса, сталкиваясь с реалиями социальных отношений в современном российском мегаполисе, переживают тяжелые психологические проблемы адаптации. Мы часто наблюдаем нарушения психической адаптации при консультировании представителей разных этнических групп, особенно так называемых «малых народов». Если российская молодежь, не предполагая образа значимого Другого, в своем онтогенезе обречена на формирование фрагментированной идентичности, то представители других культур сталкиваются с необходимостью трансформации и фрагментирования уже сложившейся идентичности, что неизбежно сопровождается психологическим кризисом и состояниями социальной дезадаптации.

Таким образом, проблема саморазрушающего поведения подростков в современной России носит системный характер и требует для своего разрешения междисциплинарных комплексных исследований. Системный анализ кризиса идентичности современной молодежи — необходимая составляющая таких исследований.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**

- 1 Мизинова Е. Б. Изучение динамики экспериментально-психологических характеристик больных с невротическими расстройствами, существенных для понимания их биопсихосоциальной природы // Вестник ТГУ. 2011. № 12 (114).
- 2 Драгунская Л. С. Социокультурный аспект возрастного патоморфоза эндогенной депрессии // Возрастные аспекты депрессий: Сб. науч. трудов. М. 1987.
- 3 А. Зубов, игумен Иоанн (Экономцев), Б. Любимов и др. Христианство и культура // «Знамя». 1999. № 10.
- 4 Хоружий С. С. К антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002.
- 5 Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Подросток в учебнике и в жизни: кризис тринадцати лет // На пороге взросления: Сб. науч. статей. М., 2011.
- 6 Ахметзянова Э. К. Изучение структуры авитальной активности у студентов ПГМА // Вестник РГМУ. Периодический медицинский журнал. 2006. № 2 (49).
- 7 Смертность российских подростков от самоубийств. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). М., 2011.
- 8 Фуко М. Герменевтика субъекта: Пер. с фр. СПб.: Наука, 2007.

**ГЕРМАН САДУЛАЕВ**

Герман Умаралиевич Садулаев — современный российский писатель, юрист. Родился в селе Шали Чечено-Ингушской АССР. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Как прозаик дебютировал в декабре 2005 года в журналах «Знамя» и «Континент».

Герман Садулаев знаменит своими романами и повестями: «Одна ласточка не делает весны», «Я — чеченец!», «Таблетка», «Шалинский рейд» и др. Именно с ними он неоднократно фигурировал в шорт-листах престижнейших премий страны. Вышедший в 2008 году роман «Таблетка» вошел в шорт-лист литературной премии «Русский Букер». В июне 2009 года был опубликован роман AD, признанный журналом GQ книгой месяца. Петербургский гляцевый журнал «Собака.ру» в 2009 году присудил Садулаеву первую премию «Люди года» в номинации «Литература». Роман «Шалинский рейд» вошел в шорт-лист «Русского Букера» и в 2010 году получил премию журнала «Знамя».

Книга Г. Садулаева «Я — чеченец!» переведена на испанский, немецкий, английский, польский и шведский языки. Рассказы писателя включены в антологии современной русской литературы на английском языке: «Academia Rossica» в Великобритании и «Rasskazy» в США. Он является постоянным автором независимого издательства «Ad Marginem», журналов «Огонек», «Медведь», литературных журналов «Знамя», «Континент», «Дружба Народов», «Аврора», информационно-аналитического сайта о событиях на Северном Кавказе «Prague Watchdog».

Г. Садулаев также известен как публицист. Круг интересующих его вопросов чрезвычайно широк — обстановка в Чечне и криминогенная ситуация в Петербурге, государственное устройство и международная политика, религия и женский вопрос.

На страницах нашего журнала впервые публикуется эссе Г. Садулаева, подготовленное им для «Литературной матрицы» — учебника литературы нового формата, написанного современными писателями и поэтами для издательства «Лимбус Пресс», Санкт-Петербург (составители — В. Левенталь, С. Друговейко-Должанская, П. Крусанов).